

Лепешки из желтого проса, поджаренные на смальце, покрылись хрустящей золотистой корочкой, под которой таилась нежная, тягучая мякоть с тонким ароматом зерна. В этот раз к столу подали не привычные соленья, а свежую закуску: Ли Чжоучжоу взял оставшуюся половинку крупной редьки, нашинковал её соломкой и присыпал солью. Когда овощ пустил сок, он слил лишнюю влагу и заправил всё уксусом. Получилось просто, но удивительно свежо и сочно.

В такие холода не стоило бы увлекаться холодными блюдами, но обжигающий бульон и пышущие жаром лепешки мигом разгоняли любую прохладу.

Готовить такой ужин было несложно, разве что костный отвар требовал внимания — он томился на огне всю вторую половину дня. Нужно было время от времени подбрасывать дрова, чтобы пламя не погасло. Чжоучжоу управился со всеми делами быстро, и к тому времени, как семья села за стол, на деревню уже опустились густые сумерки.

Зимой дни стремительно таяли, и переносить ужин на более раннее время не имело смысла — иначе к моменту отхода ко сну в животе снова начало бы урчать от голода.

Все трое собрались в главной комнате. Ли Чжоучжоу разлил суп по чашам отца и мужа.

— В котле еще добрая половина осталась, я подбросил полено, пусть греется.

— Спасибо, Чжоучжоу! — голос Гу Чжао звучал звонко и весело.

С тех пор как он, отбросив всякую робость, начал ластиться к супругу на глазах у Ли Да, его дерзость только росла. Теперь он неизменно усаживался с Чжоучжоу на одну скамью, то и дело подкладывая ему лучшие кусочки или подавал горячее угощение. Ли Да пару раз пытался урезонить зятя коротким кашлем, но, видя, что это не помогает, просто прятал лицо за широким краем фарфоровой чаши и молча ел.

Юноша поначалу смущался, но, глядя на это невинное и милое лицо своего маленького мужа, не находил в себе сил для упреков. К тому же Гу Чжао и вправду искренне заботился о нем.

Сянгун вообще любил хвалить супруга. Причем делал это не из пустой вежливости, а подмечал самые тонкие детали: то мясо в дневном жарком вышло на диво нежным, но сохранило упругость, то салат из редьки идеально подчеркнул вкус наваристого отвара. Казалось, каждое движение рук Чжоучжоу превращало простую еду в маленькое чудо.

Ли Да, прихлебывая жидкость и заедая её хрустящей редькой, размышлял:

«И откуда в нем столько слов? — удивлялся старик. — Сразу видно — ученый человек, даже обычную редьку распишет так, будто это диковинный цветок».

Впрочем, он и сам начал ловить себя на мысли, что раньше не замечал этого сочетания, а теперь, под речи зятя, горячий бульон и впрямь казался особенно приятным, согревающим всё нутро.

— Если мужу нравится, выпей потом еще чашу, — Чжоучжоу сиял от похвалы.

Гу Чжао знал, что супруг и тесть души в нем не чают: лучшие куски курицы, мясо и яйца всегда доставались ему первому. Они считали, что его слабое тело нуждается в подкреплении, а сами, обладая недюжинной силой, могут перебиться чем попроще. Но он с этим мириться не желал.

В их хозяйстве было двадцать му в поле. По меркам современного мира, даже с техникой, это немалый труд, а в эти времена всё держалось на мужских плечах. Посев, прополка, орошение, жатва, а потом еще сушка, обмолот и очистка зерна... Люди здесь проводили триста дней в году, занимаясь изнурительным физическим трудом, а оставшиеся два месяца всё равно не знали покоя. Молодость и природная мощь позволяли им не замечать усталости, но на деле организм истощался и требовал заботы.

Гу Чжао решил воспользоваться моментом. Он понимал: начни он уговаривать их есть лучше — Чжоучжоу всё равно отдаст всё ему. Нужно было действовать хитрее.

— Про этот костный бульон с финиками я слышал в городской аптеке. Говорят, он чудесно восстанавливает силы и питает кровь.

— Вот почему ты просил финики добавить, — кивнул Чжоучжоу. — У нас в деревне так никто не делает.

— То ли сладко, то ли солено, — буркнул Ли Да.

Он всегда дочиста доедал всё, что готовил сын, никогда не привередничал, но и хвалить не привык.

— Оказывается, так в округе готовят, — заключил юноша.

Гу Чжао отпил глоток и покачал головой:

— Не совсем. Это средство лекари советовали одной женщине, что никак не могла выносить ребенка.

— Кха-кха-кха! — Ли Да, как раз решивший еще раз распробовать «городской рецепт», поперхнулся и закашлялся, едва не выплюнув суп. Одно дело — изыски горожан, и совсем другое — средство для беременных женщин!

Чжоучжоу тоже замер в недоумении.

«Муж всегда знает, что делает, — подумал он. — Наверняка в этом есть какой-то смысл».

— Отец, Чжоучжоу, вы послушайте, — поспешно заговорил Гу Чжао, видя, как тесть багровеет от кашля. — Та семья была бедна. Женщина с юных лет изнуряла себя работой и в доме, и в поле. Из-за этого долго не могла зачать, а когда наконец понесла — случился выкидыш.

Чжоучжоу мгновенно проникся сочувствием и даже заволновался:

— И что же им было делать?

Ли Да тоже перестал кашлять. Ведь его сын тоже с малых лет не покладая рук трудился и дома, и в поле.

— Лекарь сказал, что она надорвала здоровье смолоду, и теперь ей нужно укреплять тело. Но на дорогие лекарства денег не было. Тогда аптекарь и подсказал этот способ: кости без мяса и финики стоят сущие копейки. Если варить их долго, пока бульон не побелеет, и пить постоянно, то силы вернуться. Когда я это слышал, та женщина уже была на сносях, и в семье дела пошли на лад — она пришла отблагодарить лекаря гостинцами.

Эту историю Гу Чжао выдумал от начала и до конца, наделив её счастливым финалом, чтобы супруг не изводил себя лишними переживаниями за «бедную женщину».

И план сработал. Чжоучжоу, услышав, что всё закончилось хорошо, с облегчением вздохнул.

— Хорошая всё-таки аптека в городе, — похвалил Ли Да.

Гу Чжао выловил из своей чаши финик и переложил его супругу, нежно прошептав:

— Когда я покупал эти кости, то сразу подумал о тебе, Чжоучжоу. Тебе тоже нужно как следует укрепить здоровье.

Смысл этих слов был понятен обоим без лишних объяснений: «Укрепишь тело — легче будет родить». Ли Чжоучжоу вспыхнул до корней волос, но, вспомнив про несчастную женщину из рассказа, послушно съел финик, преодолевая робость.

— Сейчас моё обучение требует много серебра, и мы не можем каждый день резать кур, так что придется довольствоваться этим простым способом, — Гу Чжао сокрушенно вздохнул, но тут же бодро добавил: — Мы ведь хотим жить долго и счастливо. И это касается не только нас с Чжоучжоу — вам, отец, тоже нужно подкрепиться. Ведь в будущем на ваши плечи ляжет забота о внуках.

Это был сокрушительный удар. Ли Да уже открыл было рот, чтобы сказать, что ему-то укрепляться ни к чему — он детей рожать не собирается, да и к труду привык... Но упоминание о внуках заставило его замолчать. В итоге отец и сын семьи Ли покорно выпили по две чаши отвара.

Пока в доме Ли царило тепло и согласие, у соседей Чжан ссорам не было конца. Когда после ужина Ли Чжоучжоу вышел на кухню прибраться, даже сквозь стену и через двор Ванов до него доносились вопли Госпожи Тянь. Было неясно, кого она честит на этот раз — из-за холодного ветра слова сливались в неразборчивый гул.

«Стоит ли спрашивать мужа? — засомневался Чжоучжоу. — Нет, ругань Госпожи Тянь слишком грязная, незачем Гу Чжао слушать подобные мерзости. Всё равно это нас не касается».

В деревне Госпоже Тянь никто не решался перечесть. И дело было не в силе её мужа, Чжан Чжуцзы, а в её собственном языке. Стоило ей завестись — и она начинала голосить так, что любая вдова на поминках позавидует. Оскорбления летели во все стороны, голос срывался на визг, и это представление могло длиться целый день. Соседи предпочитали обходить её дом за версту.

Резиденция семьи Чжан

Тот самый цыпленок, которого Нью-дань так крепко прижимал к груди, от испуга выпал из его рук, когда мать на него прикрикнула. Бедное создание пару раз трепыхнулось в пыли и затихло — в такой холод у него не было шансов выжить.

Госпожа Тянь, вне себя от ярости, бросилась на сына.

— Проклятое отродие! Чтоб ты провалился! — кричала она.

В её собственном детстве родители не жалели для неё подобных слов, и теперь она не видела в этом ничего дурного. Гнев застилал ей глаза, и она просто выплескивала его на ребенка, не заботясь о справедливости. Нью-дань от ударов не мог даже слова вымолвить — только рыдал, всё еще мечтая о мясе.

Хозяйка не могла успокоиться — она так долго выхаживала этих цыплят, надеясь, что весной они начнут нестись... Соседи, слыша всё это, только посмеивались. Но для крестьянского подворья это и впрямь был убыток. Из десяти цыплят при хорошем уходе до зрелости доживали семь-восемь, двое-трое всегда гибли. Это как с беременностью: пока три месяца не пройдет — за жизнь не ручаются. А в таком возрасте в цыпленке и мяса-то на один зуб нет.

Сельчане доедали ужин под аккомпанемент этого скандала. Никто не спешил вмешиваться — когда-то добрые люди пытались урезонить Госпожу Тянь, но она так их облаяла, что охота помогать отпала навсегда. Все знали: она пошумит и утихнет, для неё бить детей — дело привычное.

— Нью-дань днем мяса отведал, вот и разыгрался аппетит у мальчика.

— Но как такой кроха додумался курицу трогать?

— Да что он понимает? Мал еще. Мяса захотелось, а мать за весь год ни кусочка не даст, только братьям в родную деревню сумки таскает. Сама виновата.

— Точно. Не пошли бы они днем к Ли за подачкой — ничего бы и не было.

— Слушайте, а Госпожа Тянь не придет завтра к Ли требовать возмещения за цыпленка?

— Да при чем тут семья Ли? Она сама сына подстрекала. Они ему мясо дали, чего еще должна?

Впрочем, зная нрав этой женщины, в этом нельзя было быть уверенным. Все ожидали, что завтра она явится к Чжоучжоу с претензиями.

Но, вопреки ожиданиям, госпожа в этот вечер не унималась. Уже и спать все легли, а она всё кричала. Только теперь под горячую руку попал старший сын, Да-ню. Чжан Чжуцзы попытался было защитить ребенка, но и ему досталось по первое число. В ночной тишине, когда даже собаки замолкли от холода, голос Госпожи Тянь разносился по всей округе.

— Муж, тебе этот шум не мешает спать? — шепотом спросил Ли Чжоучжоу.

Гу Чжао всю прислушивался к соседской драме, но из-за расстояния не мог разобрать деталей. Прежде чем он успел что-то ответить, Чжоучжоу осторожно прикрыл его уши ладонями.

— Спи, сянгун.

Ему оставалось только вздохнуть. Чтобы не разрушить образ «милого и кроткого» супруга в глазах Чжоучжоу, он послушно закрыл глаза. Всё равно было ясно, что дело в курице. В деревне, если кто-то терял иголку, к утру об этом знал каждый, так что подробности он еще услышит. Гу Чжао уютно устроился в объятиях супруга. Тот, нежно прижимая к себе своего прекрасного мужа, поправил одеяло, чтобы ни один сквозняк не потревожил его сон, и сам погрузился в дрему.

Вскоре его снова разбудил пронзительный визг. Стоило ему шевельнуться, как рука мужа, лежавшая на его талии, легонько похлопала по спине.

— Спи, милый, не бойся... — пробормотал Гу Чжао, не открывая глаз. От этого сонного шепота на душе у Чжоучжоу стало так сладко, что всякое недовольство шумом мигом испарилось.

Следующее утро

В доме Ли завтрак прошел спокойно, и каждый принялся за свои дела. Ли Да, крепко запомнив слова зятя о пользе бульона для будущих внуков, сразу после еды отправился в горы за дровами. Дров в доме было в достатке, но лишними они никогда не бывали, особенно в холода. Уходя с корзиной за плечами, он планировал заодно накопить сочной травы для свиней, чтобы сыну не пришлось этим заниматься.

Ли Чжоучжоу взял коромысло, Гу Чжао подхватил пустые ведра, и они вместе отправились к реке. Юноша пытался отговорить мужа — мол, с каждым днем всё холоднее, незачем мерзнуть, — но тот настоял, что это отличная зарядка.

Берег реки

По дороге к воде сянгун увлеченно рассказывал супругу о тяготах имперских экзаменов.

— ...Когда наступает время весенних испытаний, погода стоит еще морозная, а надевать теплую одежду на вате запрещено — только тонкие халаты. Кандидатов запирают в крошечных кабинках на три дня: там ты и спишь, и ешь, и пишешь работы. Если здоровье слабое — ни за что не выдержишь.

— Никогда не думал, что ученым так тяжело приходится, — посочувствовал Чжоучжоу.

— Вовсе нет. По сравнению с крестьянским трудом это сущие пустяки, — возразил Гу Чжао. Успех на экзаменах означал полную перемену участи, пропасть между небом и землей.

У реки уже были люди. Увидев Ли Чжоучжоу, одна женщина спросила:

— Чжоучжоу, Госпожа Тянь к тебе еще не приходила скандалить?

— А что случилось? — юноша забрал ведра у мужа и присел у кромки воды.

— Неужто не слышал? Вчера у них в доме такой содом был! — Женщина не стала томить и выложила всё сразу: — Слышно было отчетливо: Нью-дань нечаянно придушил цыпленка, которого хозяйка так берегла. Она его отходила чем под руку попало, а потом на тебя принялась орать — мол, это ты во всё виноват, завтра пойдешь к ним курицу отдавать в возмещение...

— Нью-дань придушил цыпленка? — Ли Чжоучжоу замер. Он-то думал, малец просто капризничает, требуя мяса.

— Будь осторожней. Хотел как лучше — мясо дал, а вышло боком.

Женщина набрала воды и ушла. Присутствие Гу Чжао мешало ей всласть пересказать все грязные подробности — при ученом человеке сплетничать было как-то неловко.

— Сянгун, а ты был прав, — сказал Чжоучжоу, когда они пошли обратно.

— Курицу отдавать нельзя, — отозвался муж.

— Конечно! С какой стати я буду ей что-то дарить? — твердо ответил юноша.

Но, спохватившись, он тут же смягчил тон.

«Лишь бы муж не подумал, что я слишком вспыльчивый», — мелькнуло у него в голове.

Гу Чжао же только улыбнулся: он любил, когда в супруге просыпалась эта живая, боевая искра.

Вернувшись, Чжоучжоу наполнил чан водой. На стирку он сегодня решил не ходить — побоялся оставлять мужа одного. Вдруг Госпожа Тянь явится требовать птицу, а Гу Чжао не сможет ей противостоять? Он не позволит никому обижать своего сянгуну.

Юноша принялся замешивать тесто. Лепешки кончились, он планировал печь их вечером, но решил заняться этим сейчас. Работая руками, он прокручивал в голове разные варианты:

«Если эта баба посмеет хоть слово сказать мужу, я ей так отвечу, что мало не покажется», — решительно думал он.

Но прошел час, другой — и тишина. В ворота постучал Син-гэ'эр.

— Чжоучжоу! Ты почему сегодня не на реке? Я как раз хотел тебе кое-что рассказать!

Син-гэ'эр зашел во двор с тазом выстиранного белья, его пальцы покраснели от ледяной воды. Чжоучжоу провел его на кухню — Гу Чжао в это время читал в комнате. Глаза Син-гэ'эра так и сияли. Он пристроил таз под навесом и присел к очагу погреть руки.

— Госпожа Тянь в родную деревню сбежала!

— Что?! — Чжоучжоу перестал лепить.

Син-гэ'эр, не скрывая злорадства, затараторил:

— Весь берег только об этом и говорит! Я-то думал, ты на реку придешь, а тебя нет... Пришлось самой бежать к тебе, не терпелось поделиться! Порадуйся хоть за себя!

Он долго кружил вокруг да около, пока Чжоучжоу не выдержал:

— Да говори уже толком! Я знаю только, что Нью-дань цыпленка придушил.

— Так Да-ню вчера ночью взял нож и зарезал вторую курицу! — выпалил Син-гэ'эр.

У юноши глаза на лоб полезли.

«И как только Да-ню осмелился на такое?» — поразился он.

В доме Чжан без разрешения хозяйки никто не смел даже лишний листок капусты съесть, не

то что птицу резать. Син-гэ'эр так воодушевился, что даже о тепле забыл:

— Тот цыпленок, которого Нью-дань придушил, был совсем мал. Когда Госпожа Тянь прооралась, домашние предложили его хотя бы сварить, раз уж помер. Но она как взбеленилась! Орала, что это её птица и никто к ней не прикаснется, а сегодня она унесет её в родную деревню брату на подкрепление. Обложила всех почем свет стоит... И тут Да-ню молча зашел на кухню, взял нож, пошел в курятник и зарезал вторую курицу!

Чжоучжоу вспомнил тот ночной крик, который прервал тишину.

— Говорят, Да-ню её даже ощипать толком не успел — в темноте всё делал. Закинул в котел и сварил как есть. Госпожа Тянь полбеды под дверью кухни прыгала, орала, аж голос сорвала... А Да-ню хоть бы хны, дверь не открыл, пока не съел всё. Когда он вышел, Чжан Чжуцзы с отцом только рты раскрыли, слова вымолвить не могли...

— А курица? — спросил Чжоучжоу.

— Сожрал! Всё до последней косточки! Госпожа Тянь, правда, не ела — от злости кусок в горло не лез. Накинулась на сына, бить его начала, кричала, что нужно разделить хозяйство и его выгонят... Тут уж Чжуцзы с отцом голос подали — мол, куда его выгонять, Да-ню еще не женат.

В ту ночь в доме Чжан впервые пала власть хозяйки, и восстал против неё родной сын. Она, привыкшая быть в семье грозой, не могла стерпеть такого позора.

— Вот она с самого утра корзину в руки — и ходу. Говорят, и того дохлого цыпленка прихватила, и яйца все выгребла... Кто знает, может и деньги забрала. У них же все ключи у неё были. Чжан Чжуцзы за ней следом побежал, до сих пор не вернулись.

Син-гэ'эр вздохнул.

— Скорее всего, к полудню она уже будет дома. Она не ушла далеко — так, только нервы всем помотала. После такой встряски всё наверняка вернется на круги своя.

Рассказав все новости, Син-гэ'эр ушел — пора было готовить обед. Чжоучжоу тоже понимал: вряд ли власть Госпожи Тянь так просто падет. Но тишина в кои-то веки радовала. Если эта баба всё же решит заявиться к ним — он встанет грудью за своего мужа.

Как и предполагали Чжоучжоу с Син-гэ'эром, к вечеру Госпожа Тянь и Чжан Чжуцзы вернулись. Корзина её была пуста — видать, всё дочиста отдала братьям. Юноша весь следующий день ожидал её визита, но она так и не пришла.

Да-ню нашел способ обуздать мать. Поняв, что стоит ему проявить твердость и «бесстыдство», как А-нян пасует, он перестал её бояться. Бить до смерти она его не станет, а ругань — дело привычное.

Хочет мяса — грозитя зарезать курицу.

Хочет белой каши — грозитя зарезать курицу.

Госпожа Тянь теперь целыми днями только и делала, что выла да грозилась уйти к матери навсегда. Чжуцзы бегал за ней, пытаясь успокоить, и в этой бесконечной домашней войне им было уже совсем не до семьи Ли.

<http://bllate.org/book/15349/1416588>